

Василий Киреев

Жемчужины ожерелья Гаруды

Серия «Мои кольца. Путевые заметки».
Книга первая

Василий Киреев

**Жемчужины ожерелья Гаруды.
Серия «Мои кольца. Путевые
заметки». Книга первая**

«Издательские решения»

Киреев В. А.

Жемчужины ожерелья Гаруды. Серия «Мои кольца. Путевые заметки». Книга первая / В. А. Киреев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856255-6

«Когда в доме тораджи умирает человек, его кладут в южную, родительскую комнату, головой на запад. И вот тут начинается самое невероятное. Этот только умерший человек... не считается умершим. Только „приумершим“, или „сильно заболевшим“, „to'makula“...». «Жемчужины ожерелья Гаруды» — дневник путешествия по Индонезии. Храмы Джогджи — вулканы Явы — драконы Комодо, жизнь ради похорон Тораджи (Сулавеси), суматоха Джакарты... Первая книга из серии путевых заметок «Мои кольца».

ISBN 978-5-44-856255-6

© Киреев В. А.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Жемчужина Первая. Жизнь для похорон	8
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Жемчужины ожерелья Гаруды Серия «Мои кольца. Путевые заметки». Книга первая

Василий Анатольевич Киреев

© Василий Анатольевич Киреев, 2019

ISBN 978-5-4485-6255-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЖЕМЧУЖИНЫ ОЖЕРЕЛЬЯ ГАРУДЫ
(ИНДОНЕЗИЙСКОЕ КОЛЬЦО)

*«И когда Гаруда коснулся перстами их ран, раны зажили в мгновение
ока, и сила и память вернулись к ним».*

(«Рамаяна». Литературное изложение Э. Н. Тёмкина и В. Г. Эрмана)

Введение

«Герб Индонезии представляет собой изображение птицы Гаруды золотого цвета со щитом на груди. Щит четырёхчастный, с малым щитком в сердце. Пять элементов герба символизируют Панча Сила, пять принципов национальной философии Индонезии, поэтому герб также называют „Гаруда Панча Сила“. В когтях Гаруды – лента с национальным девизом. Герб был разработан Султаном Хамидом II Понтианаком и принят в качестве национального 11 февраля 1950 года». (Из статьи Википедии «Герб Индонезии»)

«Гаруда (санскр. „всепожирающее (Солнце)“) – в индуизме ездовая птица (вахана) бога Вишну, борец со змеями-нага. В буддизме Ваджраяны – идам, один из символов просветлённого ума. ... Голова, грудь, торс, ноги до колен у Гаруды человеческие; клюв, крылья, хвост, задние лапы (ниже колен) – орлиные». (Из статьи Википедии «Гаруда»)

Решение любой задачи нужно начинать с ее формулировки – это, как известно, половина самого решения. А чтобы формулировка задачи стала более понятной, нужно дать определение входящим в нее терминам. «Жемчужины ожерелья Гаруды». Ожерельем Гаруды часто называют саму Индонезию. Что же такое тогда «жемчужины»? Купив уже билеты на «Turkish Airways» до Джакарты, я открыл описания и путеводители... и растерялся: что же из всего индонезийского многообразия выбрать, чтобы составить впечатление об этом уголке мира?

Ничего себе уголок... Три часовых пояса, более семнадцати тысяч островов, от огромных Суматры и Борнео, от самой густонаселенной в мире Явы, до крошечных необитаемых. Тысяча народностей, говорящая на 700-х языках. 255 миллионов человек, 140 из которых живут на Яве, всего-то чуть большей 1000 км в длину и 200 в ширину... 150 действующих вулканов и второе место в мире по количеству биологических видов, после Бразилии. Самая большая мусульманская страна мира, имеющая на гербе индуистский символ, своим названием отсылающая нас в Индию, и страна, где христиане-протестанты народности тораджа так хоропят своих умерших, что язычникам и атеистам впору перекреститься...

Уже вернувшись и переведя стрелки часов, я по-прежнему не могу определить, что же суть индонезийские жемчужины. Может, острова. Или вулканы. Может, живая природа, во главе с самым известным индонезийским эндемиком – комодским вараном. Может, многочисленные коралловые пляжи с где-то розовым, где-то белым песком, рыбками, звездами, змейками у берега и гигантскими морскими дьяволами – скатами манта на глубине. Может, молниеносные закаты и восходы, и Южный Крест вместо Ковша. А может, люди, несколько необычные нашему, европейскому восприятию, лишённые целого ряда качеств, как то обида и грусть, что невольно прощаешь им другие несуразности – назойливость торговцев или неумение найти или даже искать выход из ситуации, отличающейся от привычного им порядка, или бесконечное ожидание всего, что они делают крайне неспешно. Люди, ухитрившиеся переважить и переиначить под себя почти все мировые религии и остаться собой. Не знаю... Я буду просто писать, что видел, и на этот раз не в хронологии маршрута.

Выбор маршрута путешествия стал мучительным – нельзя объять необъятное. Первым пал Бали – туристический остров, оплот индуизма, центр и «жемчужина» туристической страны. Очень уж раскручен, да еще и на Новый Год. Второй жертвой стал Папуа, по прямо противоположной причине – необъятен, грандиозен и требует специальной подготовки. Если Папуа, то больше ничего. Так, постепенно, появился маршрут, критику которого я оставляю

на потом. Получилось четыре части – Храмы, Вулканы, Живая Природа, Люди. Или три с половиной – Ява, транзит Бали, Флорес (с Комодо и Ринчей) и Сулавеси. Я буду просто рассказывать.

Состав нашего «экипажа» практически традиционен – Ирина (жена, а по совместительству – цензор), я и Ольга (Лелька), которой двенадцать. По мнению большинства авиакомпаний, как и дорожной полиции большинства стран, это и есть порог перехода во взрослую жизнь, и мы тоже поддались этому мнению, окунув ее с головой во взрослую этнографию, включая присутствие на ритуальном жертвоприношении. Я порассуждаю о взрослости 12-летнего человека для такого рода опыта в своем месте, но не жалею: раз уж взяли с собой ребенка – показывайте всё.

Жемчужина Первая. Жизнь для похорон (Макассар – Тана Тораджа, Южный Сулавеси).

Маленький самолет неизвестной мне марки, принадлежащий авиакомпании со смачным названием SMAC, смачно плюхнулся на неровную полосу аэродрома. Подпрыгнул, плюхнулся вновь и запрыгал по полосе, словно брошенный «лягушкой» в воду плоский камешек. А мы все не могли оторваться от иллюминаторов, пока он не замер. Короткое прощание с пилотами, и мы в здании маленького провинциального аэропорта селения Rantetaya, что рядом с городком Ranterao, столицей региона Тораджа (Toraja) в центре Южного Сулавеси; здании, стилизованном под традиционное жилище народности тораджа.

«Смачный» самолет

Аэропорт Rantetaya

Самолет выгрузил наш единственный чемодан и весело побежал обратно на взлетную полосу, прыгать дальше по деревням Сулавеси. Нам показалось, помахав на прощание крыльями.

Такая работа у этого, единственного в своей «смачной» авиакомпании, самолета – прыгать по деревням Южного Сулавеси, отвозя туда тех, кто готов заплатить 20 долларов за часовой перелет вместо 8 долларов автобусного билета за 10—12-часовой переезд по горным серпантинам. Ну, это когда у него нет другой работы, например, везти губернатора провинции в столицу, или работать скорой помощью. Или чиниться. Поэтому в центральном расписании аэропорта Макассара (у этого города есть второе название, Уджунг Панданг, Ujung Pandang – если не найдете Makassar), столицы острова, его нет.

А нас встретил худощавый парень, который представился: «Давид». Два дня Давид (David Mendila) будет нашим гидом, так мы решили сегодня утром, у стойки, предлагающей отели, в аэропорту Макассара. Сегодня утром, *11 января 2012*, в 11 день нашего путешествия, началось новое приключение. Строго говоря, этот этап начался вчера, с вылета утренним рейсом компании «Wings» из столицы острова Флорес, городка Лабуан Баджо, ознаменовавшего окончание этапа предыдущей, Флоресской «жемчужины».

10 января 2012, Флорес, Индонезия. В здание аэропорта мы приехали впятером – на этапе «жемчужины» Явы, на смотровой площадке над Бромом, мы познакомились с путешествующей по тем же местам парой из Зеленограда, Антоном и Дашей; когда наши лодки подошли вместе к «драконьим» островам, мы поняли, что это судьба, а когда мы обнаружили друг друга в соседних номерах одной гостиницы, ничего не оставалось делать, как за ужином обменяться координатами. В который раз поймали себя на мысли, что, сторонясь соотечественников в заграничных раскрученных туристических местах, радуемся как дети, встречая их в укромных уголках нашего шарика. Такие встречи иногда переходят в более длительные отношения: познакомившись в кемпинге на Нордкапе с попутчиками почти уже 4 года назад, мы до сих пор поддерживаем с ними связь.

Именно тут, во время регистрации на рейс, и проявилась одна из особенностей национального характера индонезийцев – впадение в ступор при мало-мальски отличном от стандартного распорядке действий. Наш билет Лабуан Баджо – Макаassar содержал два сегмента, ЛБ – Бали выполнялся «Wings'ом», а в Балийском Денпасаре следовала часовая пересадка на самолет «Lion Air»; билет же покупался сквозной на сайте Lion, да еще и с оплатой российской карточкой, которую служащим тоже нужно было проверить. То ли обилие разнонаправленных действий, то ли еще что-то, – привело к повисанию системы регистрации. Не буду описывать ужас в глазах мальчика, в течение получаса пытавшегося нажать клавишу Enter на компьютере, потом позвавшего старшего, также понажимавшего ту же клавишу, сбегавшего куда-то то с карточкой, то с бланком, то и с тем, и с другим... Выход нашел некий старший начальник, положивший перед глазами мальчика, как образец, посадочный талон предыдущего пассажира и заставивший нарисовать от руки такие же посадочные на листе бумаги нам, с соблюдением мест расположения соответствующих надписей. Вручив нам это чудо, он настоятельно порекомендовал обменять его на стойке транзитных пассажиров на настоящие, для полета дальше. Волновались ли мы? Да нисколько, потому что Индонезия это Азия, а в Азии, как мы уже выяснили, вам не нужно понимать, что с вами происходит; все само собой разрешится, к вашему удовольствию.

«Wings» на этом маршруте (состоящем, как многие региональные, из цепочки промежуточных остановок) летает на новеньких ATR-ках, по расписанию, так что упомянутые во многих отчетах задержки рейсов и плохие самолеты, видимо, остались в прошлом. Как в прошлом остались и полеты на низких высотах, позволявшие прильнуть к иллюминатору с камерой или фотиком.

Самолеты компании «Wings»

Впрочем, причудливые острова можно рассмотреть и отсюда.

Зондские острова

А в кармане кресла, вместе с памяткой, что делать в экстремальной ситуации, лежала памятка и о том, что в этой ситуации говорить, и кому, содержащая тексты молитв для мусульман, католиков, протестантов, буддистов, индуистов и конфуцианцев (*?khonghucu*).

Памятка на всякий случай...

Нас взяли под руку еще при сходе с трапа и напомнили, что нам непременно надо получить другие посадочные на транзитной стойке...

Большой «Lion» летает на больших, но столь же новых Боингах 737—900, и от туристического Денпасара до Макассара каких-то 55 минут пути – отдыхающим на Бали на заметку.

Нас встретил огромный, просторный и современный, новенький, как с иголки, аэропорт Макассара. Решение о том, как добираться отсюда до Тана Тораджи мы откладывали до последнего, наверное, надеясь на азиатское чудо. Которое и произошло, когда я раскрыл купленную на пересадке карту Сулавеси. Дело в том, что от Макассара до Тана Тораджи, несмотря на скромные 300 километров, путеводители предлагают закладывать 10—12 часов пути, и это чистая правда: мы уже убедились в низких скоростях индонезийского дорожного движения, проехав 400 км по Яве за 12 часов на частной машине, а 140 км по Бали на автобусе за 4. На часах – уже два пополудни, и у нас остаток этого и еще два полных дня на Тораджу. Так вот. На карте, аккурат в центре области Тораджа, и был нарисован значок маленького самолетика. Не такого большого, как у Макассара, но все же с крылышками. Поэтому, получив багаж и сдав его тут же в камеру хранения аэропорта (доллар в день за место), мы вторым делом направились в информационный киоск, где, прикинувшись глупыми белыми туристами из России, задали сакраментальный вопрос:

– А не летает ли что-нибудь из Макассара в Тана Тораджу?

– Летает, – невозмутимо ответила девушка в информации, – ищите SMAC Air. – И она тщательно рассказала, где его искать, добавив в конце: – Только их в офисе наверняка нет. Они там бывают, только когда у них рейс.

– А когда у них ближайший рейс?

– Это только они знают. Их нет в нашем расписании, у них какое-то своё. Но вот вам их телефон, когда увидите, что офис закрыт, позвоните.

Когда, переделав все, что нам было предложено информационным киоском, то есть, убедившись в том, что офис безнадежно закрыт, мы этот номер набрали, нам ответили на чистейшем индонезийском, а в ответ на вопрос про «Do you speak English?», просто повесили трубку. Но Азия, Азия! Из соседнего офиса вышел мужчина, представился, не забыв подчеркнуть, что он сотрудник «Air Asia», и предложил помощь. Собственно, так мы и узнали, что рейс завтра

утром, билеты стоят по 20 долларов, и они для нас забронированы. Нам нужно только приехать к 8—00 в этот офис.

– А во сколько мы полетим? В 9? – представитель «Air Asia» отчетливо хмыкнул.

– Нет, в 9 у них запланирован вылет. А к 8 надо приехать, потому что они тут в восемь будут и выпишут Вам билеты.

Вот и хорошо. Внезапно образовавшееся время решаем потратить на осмотр Макассара, но сначала проходим по компактному, но очень чистому аэропорту. Тут много лавок и магазинов, содержащих вполне достойную одежду и другие товары по вполне приемлемым ценам. Так что, если одна из ваших целей шопинг, а вы в аэропорту Макассара, то можете потратить час времени тут. На большее магазинов не хватит.

Стойка заказа гостиниц – это то, чем, по нашему мнению, несомненно стоит пользоваться в Индонезии, если вы не фанаты самостоятельного их поиска. Наш выбор останавливается на отеле «Yasmin» – недорого, чисто, в пешей доступности от голландского Форта Роттердам; туда мы и направились, плюхнувшись в заказанное тут же на стойке такси. Между делом сотрудник у стойки, представившийся, как Yeki, поинтересовался, не Тана Тораджа ли является нашей целью, а поскольку врать в глаза мы не умеем, засуетился и попробовал предложить нам тур. Всего лишь за... 375 евро. А поскольку врать в глаза мы не умеем, то Yeki сразу повернулся и пошел в указанном нами направлении, нисколько не расстроившись и даже сунув мне в руку клочок бумаги с телефонным номером. Мы тоже не расстроились, а даже улыбнулись ему вслед, положив телефон в кошелек.

Аэропорт с городом связывает приличное платное шоссе. Не идеальное, но прелесть платных магистралей в Индонезии в том, что на них не пускают мотоциклистов, и те вынуждены двигаться по выделенному им пространству, не претендуя на пространство автомобильное. Скорость движения на этой магистрали была ограничена знаком 60 снизу и 80 сверху, и мы ехали впервые за все одиннадцать индонезийских дней со скоростью 70.

Дискриминация по числу колес.

Когда же магистраль превращается в городскую улицу, картина сразу меняется, давая понять, кто тут на дороге хозяин.

Форт Роттердам – чуть ли и не единственная достопримечательность Макассара, – свидетельство былой колониальной славы Нидерландов.

Ворота Форта.

Направившиеся в 1666 году воевать Макаassar голландцы под командованием Спеелмана (*Cornelis Janszon Speelman*) заняли крепость Уджунг Панданг, а после окончательной победы над султаном *Хасануддином*, чье имя носят теперь и аэропорт, и авиабаза (укомплектованная, кстати, российскими Су-27 и Су-30), и университет Макассара, сравнивали с землей все макасарские крепости, а Уджунг Панданг перестроили и переименовали в Форт Роттердам, в честь родного города адмирала. Видимо, поэтому к голландцам отношение здесь несколько отличается от отношения к другим европейцам (см часть Ява – Бромо). Впрочем, и сами «другие европейцы» вспоминают голландские времена неоднозначно:

«15 февраля (1883 – прим. KB) с заходом солнца, подойдя к Макассару бросил за темнотою якорь, на рейд же перешел с рассветом на другой день... Макаassar служит резиденциею губернатору южной части острова Целебеса, пункт связанный с Батавией и другими портами Нидерландской Индии двух недельным почтовым пароходным сообщением.

Хотя в Макассаре есть военный хор музыки, но игра наших музыкантов на берегу произвела столь благоприятное впечатление, что губернатор, от имени местного общества, просил меня разрешить музыкантам играть на балу в клубе на другой день, и куда все мы конечно получили приглашение, на что я несомненно охотно согласился.

Бал, при входе губернатора с нами, был открыт гимном «Боже царя храни» и затем голландским. Губернатор Макассара г. Троми постоянно оказывал самое полное гостеприимство и любезность. Корвет «Скобелев» был вторым русским судном, посетившим Макаassar, первое было клипер «Абрек» в 1862 г.» (Из Рапорта командующего отрядом судов в Тихом океане контр-адмирала Н. В. Копытова управляющему Морским министерством И. А. Шестакову, Манила, апрель 1883)

И далее:

«Посетив ныне голландские... колонии в этих водах, все более и более приходится убедиться в трудности, с какою европейцы водворяются в тропических местностях и как мало они извлекают себе пользы из этих громадных и богатейших от природы, принадлежащих им пространств, несмотря на вековые – опыт и обладание. Население бедной от природы Голландии предпочитает свою скудную почву и тяжелые морские промыслы северных морей, являясь в свои колонии, с роскошнейшею растительностью и неисчерпаемыми ресурсами, в самом ничтожном сравнительно числе и то на время, совсем же водворяющихся голландцев крайне мало....европейцы

живут временно, но навсегда не водворяются, несмотря на громадные барыши и целые капиталы ими здесь легко наживаемые».

Еще жестче контр-адмирал писал позже:

«Хотя Макаassar... чуть не 300 лет в голландском владении, но миль двадцать от города, – и уже жители малайцы, вполне независимые и весьма воинственные. Вообще по всему острову голландцы владеют только несколькими приморскими городами, а остальное принадлежит полудиким малайцам к европейцам весьма враждебным... Голландцы ими занимаются мало, интересуясь только своими гульденами, накопивши которых возвращаются в Европу».

Увлёкся. Ну, тогда ещё штрих. Именно на «Скобелеве» шёл к берегам Папуа Миклухо-Маклай, а на восторженные отзывы о нём в том же рапорте Копытова Шестакову последний напишет поперек: *«Посмотрим, что скажет впоследствии».*

Современный Форт Роттердам... Нет. Ещё о «Скобелеве». Корвет «Скобелев» получил своё название за год до этого, сразу после смерти 39-летнего «Белого генерала», Михаила Дмитриевича Скобелева, русского генерала, чью память чтут теперь освобождённые им болгары, а памятник которому на народные деньги стоял в Москве там, где теперь Юрий Долгорукий. Вот так соприкоснулось пройденное нами когда-то «Славянское кольцо» с индонезийским, в крепости «Форт Роттердам» города Макаassar.

Современный Форт Роттердам, судя по всему, служил до последнего времени индонезийской армии, офицеры которой сидят зачем-то в комнате у крепостной стены, жестом просят подойти к ним и протягивают журнал, в который надо записаться. Когда мы заканчиваем, служивые отодвигают от нас журнал и пододвигают коробочку для оказания помощи.

Форт свежо отреставрирован, но хлам и строительный мусор пока не убран, и среди мусора иногда встречаются штучки, принадлежавшие, похоже, голландцам.

Голландское наследие

Лестница вверх приводит на площадку над крышами как Форта, так и соседних улочек, не всегда трущобного вида.

Макаassarская мечеть

Макаassarские мечети столь же скромны и неброски, а очертаниями похожи на индуистские строения, как и во всей остальной Индонезии (с некоторыми исключениями).

Форт обладает музеями, но по причине ремонта часть его экспонатов располагается тут же, в открытых галереях. Но главный экспонат форта – это... белокурая девчонка Лелька, сфотографироваться с которой бегут, побросав все экспонаты, небелокурые посетители музея. Перед фортом разбит симпатичный скверик с памятником герою освободительного движения принцу Дипонегоро, просидевшему в тюрьме крепости 27 лет.

Памятник принцу Дипонегоро

Покинув форт, пытаемся совершить прогулку по примыкающей к нему части старого города, но индонезийские города вообще, и Макаassar в частности, не предназначены для пеших прогулок по причине того, что тротуары тут либо грязны, либо служат прилавками, либо заставлены байками или еще чем-то вело- или мото-, либо отсутствуют вовсе. В Индонезии не принято гулять по улицам, для этого тут есть вело- или мото- рикши (бечаки), тук-туки или просто такси. Впрочем, и в Макаассаре есть вполне себе симпатичные улочки.

Улочка Макассара

Натыкаемся на вереницу лавок, продающих «свежевыжатый» (ой. fresh) кокосовый сок, попробовать который мы забыли на Яве, когда попробовали дуриан. Ничего так. Ну, как наш березовый fresh.

11 января. Сулавеси. Макассар – Тана Тораджа. Таксист опоздал на полчаса, невозмутимо так ответив по телефону:

- Вам же к восьми в аэропорт? Вот я и еду к полвосьмого.
- А что ж ты, мил человек, нам на 7-то назначил?
- Так чтоб вы не опоздали... – (вольный перевод с индонезийского английского).

Контора SMAC'a в аэропорту открыта, выписываются сразу посадочные талоны, деньги наличными кладутся в карман. Теперь на стойку регистрации. Тут же удерживается аэропортовский сбор, но на посадочных не появляется ни номер рейса, ни время вылета.

- ?, – говорим мы и получаем ответ:
- Подходите к девяти к выходу 5. Или к 9—30.
- Так к 9 или 9—30?
- Лучше к 9. Ну, подождете полчаса...

Задав для очистки совести вопрос об обратном рейсе, мы заставили служителей серьезно задуматься. Они что-то долго обсуждали между собой, потом спросили, когда нам нужно край, как быть снова в Макассаре, и зацокали языками. Теоретически успеваете. Но погода... губернатор... технические причины... Впрочем, мы и так уже поняли, что обратно нам все-таки светит 10 или 12 часов ночного автобуса.

Мы уже собрались было уходить в сторону пятого выхода, как нас окликнули. Yekі.

- Ага, вы летите. Вас может встретить гид прямо в аэропорту в Торадже.
- Хорошо. Только не за 300 евро.
- Это я вам вчера сказал. Это с переездом, гостиницами, питанием.
- А. А без переезда, гостиницы и питания?
- С машиной, входными билетами, гидом и подарками родственникам на церемонии похорон?
- То есть сейчас есть церемония похорон? – я, кажется, забыл в этот момент о вчерашней обиде на 375 евро, – Реальная?
- Это нельзя поставить для туриста. Церемония либо реальная, либо ее нет. 2 миллиона рупий.
- Устраивает. Один.

После нескольких итераций приходим к консенсусу. Миллион гиду на месте и 300 тысяч Yekі как посреднику – организатору.

В конце повествования я буду критиковать свою организацию всей поездки, но не сильно. И чего уж точно мы сделали правильно – это наняли гида на два дня в Торадже здесь и сейчас,

в Макассаре, за 130 примерно долларов, с посещением церемонии. Потом мы познакомимся с Давидом. Потом подружимся, и, прощаясь, он даст мне свой адрес. А я его дам всем, кто, собравшись в Тораджу, попросит его у меня. Уже пожав руки с Yeki, я задал ему вопрос,

– А что неужели я не нашел бы гида на месте?

– Нашел бы, – честно ответил он. Если бы до Рантепао добрался. А самолет прилетает в Рантетайо; это деревня. Такси там нет. Там ничего нет...

В девять мы были у пятого выхода. Это уже за зоной предполетного контроля, у входа в «рукава». Но у «рукавов» находились служащие тех компаний, на рейсы которых шла посадка. В 9—30 я подошел к одному из них. Это был, кажется, служащий Lion Air. Тот пожал плечами. В 10 вместо «львов» были уже служащие «Гаруды» – государственной авиакомпания. Те попробовали позвонить в офис, но там никто не брал трубку.

– Да вы не беспокойтесь, – сказал звонивший, – Вон их самолет стоит... Но я вдруг чего-то занервничал. Ставка на эту компанию была ва-банк, если по земле, то выезжать нужно было вчера. И я набрал Yeki.

– Так чего ж ты ждешь? Сходи к стойке, где регистрировался, и спроси. – Ну вот. Это я, видать, «обиндонежил», элементарное решение не пришло в голову. На стойке девица наводила макияж и не сразу меня заметила.

– Да, у нас задержка, по технической причине. Ой, я ж не объявила...

Пока я шел обратно к выходу, она и вправду объявила, и о технической причине, и о новом времени – 11—00. А в 10—50 вынырнула откуда-то из толпы, схватила нас за руку и потащила к выходу:

– Где же вы, лететь пора!

Пока нас, всех семерых пассажиров этого рейса, везли на огромном автобусе к маленькому самолету, над аэропортом Султана Хасануддина летали Су-шки авиабазы имени Султана Хасануддина.

Посадка в белый SMAC, оснащенный вполне по-современному, фото с экипажем, предвкушение полета, радость от которого слегка смазалась после обнаружения в салоне ящика с инструментами, короткий разбег, – и под крылом уже аэропорт Макассара, быстро сменяющиеся домики пригородов, бесконечные рисовые поля у самого побережья, пересекаемые паутиной рек, которых тут невероятно много.

Рисовое побережье

Так мы и просидели весь час полета, уткнувшись в иллюминаторы, перебегая от окошка к окошку, от моря к горам, пока те не начали плавно подниматься нам навстречу, демонстрируя рисовые террасы и крыши – лодочки, однозначно указывающие на то, что мы уже в стране Тораджа.

Рисовая Тораджа

Самолетик плюхнулся вновь и запрыгал по полосе, словно брошенный «лягушкой» в воду плоский камешек, а мы все не могли оторваться от иллюминаторов, пока он не замер. Тораджа.

Одним из пассажиров нашего рейса была больная бабушка, которую на руках вынесли по трапу самолета и усадили в инвалидное кресло. Ее встречала бригада медиков на машине скорой помощи.

Скорая помощь

Пока бабулю туда усаживали, мы могли убедиться, по крайней мере внешне, в том, что это авто было оборудовано всем необходимым; это был достойный реанемобиль с каталками, салазками, аппаратурой внутри... Нет, дальше не последует сравнение с оборудованием Уазика Чухломской сельской больницы, я не о том. Для понимания всего того, о чем будет рассказано дальше, очень важно, что то место, куда мы попали – вполне цивилизовано, не оторвано от мира, это не папуасские племена; люди тут ходят в школу, смотрят телевизор, ездят на современных автомобилях. В процессе церемонии похорон они говорят по крутым телефонам. И даже ходят в церковь.

Протестантская церковь

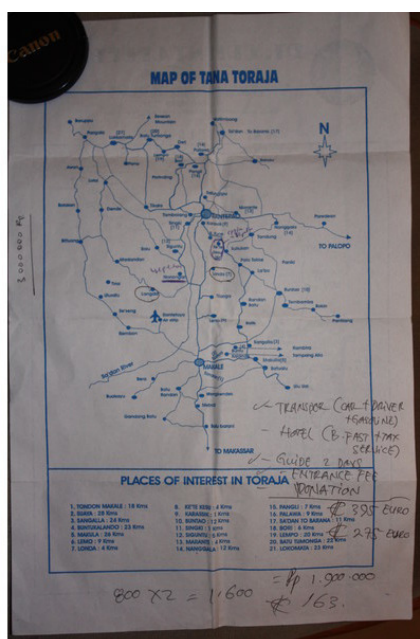
Нам это важно понимать; вместе с тем, важно понимать, что то, что мы увидим дальше – не постановка, не разыгранный спектакль для внешних зрителей, каким стали уже театр теней (Wayang kulit) в Джогдже или выступления ансамбля «Березка». Это часть их жизни, дань традиции, несомненно, очень хрупкой. Да, пока нас, зрителей, тут «о-малое» от участников, это так. Но пройдет время, наступит критическая масса, и они перестанут так жить и начнут в эту жизнь играть. Это неизбежно – они не дикари, и они не изолированы. Так что нам остается только наблюдать и знать – нам повезло.

Пока же мы знакомимся с Давидом и сразу садимся в машину – это самолет задержался, а церемония уже идет. Идет она уже второй день, сегодня – день «приема», гостей и подарков, или так называемый «день посещения». Чтобы удобнее было дальше говорить о Тана Торадже, приведу две контурные карты.

Сулавеси

На карте Сулавеси Макаassar слева внизу. А Тана Тораджа – по центру, обведенный ручкой город Ranterao. Вторая карта – Тана Тораджа

Тана Тораджа

Не обращайтесь внимания на следы первого «развода» рукой Yeki – это все неправда. Правда чуть выше и правее изображения самолета, – подчеркнутое ручкой село *Nonongar*. Там и происходит сейчас церемония похорон, туда мы и едем, щелкая без перерыва фотиком: и так крышу – лодочку «схватить», и так... А они тут всюду!

Традиционные крыши Тораджи

Узкая дорога все больше и больше заполнена припаркованными автомобилями, и вот мы уже идем пешком, по тропинке вверх.

Указание на то, что тут происходит нечто неординарное, встречается еще далеко на подступах к деревне: то хрюшка на дороге, смирившаяся со своей участью, ждет, когда ее «транспорт» отдохнет.

«Подарок»

А потом визжит, как резаная, когда ее начинают перемещать дальше, то быки, приготовленные для подарка, но пока пасущиеся мирно около временных навесов, сделанных из бамбука для того, чтобы тысячи пришедших на церемонию гостей могли отдохнуть, посидеть, дожидаться своей очереди выступить в центре деревни и преподнести подарок.

Не обращайтесь на радостные улыбки людей. Или наоборот, обратите. Во-первых, тораджи радуются переходу родственника в мир иной. Поэтому такая пышность. А во-вторых, тораджи могут заплакать в день, когда человек умер. Но между смертью физической, моментом объявления о ней и датой похорон – огромные временные промежутки...

Давайте так. Смысл церемонии я буду рассказывать ровно так, в той последовательности, как постигали его мы, будучи там в этот день. Какие это моменты, и когда они наступают, понятнее, когда вы не на церемонии, а внутри типичного дома тораджи, но посмотрим. И второе. Часть снимков ниже будет содержать картинки не вполне радостного характера. Ничего шокирующего там не будет, наша психика это переварила нормально; кроме того, сцены жертвоприношений я опущу. Но, тем не менее, элементы «приготовления подарка» из быка или хрюшки могут встретиться, как встретятся и выпавшие из истлевших гробов черепа на кладбищах. Это не страшно, но может быть неприятно, поэтому должен предупредить.

По мере нашего продвижения вперед деревенская улочка становится оживленнее, и мы подходим к бамбуковой арке – воротам, украшенным все той же стилизованной крышей – лодочкой.

Примерно в этом месте мы встречаем и первых «белых» туристов – компанию пожилых мужчин с серьезной фотоаппаратурой из Англии.

– Идите туда скорее. Там нечто невообразимое!

– А вы уже оттуда?

– Да, нам уже хватит...

Почти сразу за англичанами следует молодая европейская пара, и мы уже по инерции здороваемся с ними:

– Hi! Where are you from?

– Russia...

Успеваем обменяться парой фраз – ребята из Екатеринбурга, приехали сюда из Северного Сулавеси, за сутки, на локальных автобусах. Были уже здесь вчера: сегодня второй день церемонии, прием гостей. А вчера было прощание, во время которого присутствовавшим демонстрировали усопших... И сегодня уже насмотрелись – и хрюшек уже «дали», и быков.

Надпись на арке гласит, что вы попали на церемонию похорон. Три нижние строчки обозначают имена умерших.

Арка-лодочка на входе в деревню

Не удивляйтесь – усопших трое, и они все носят одну фамилию – Lande. Это дед с бабкой, изрядно пожилые, и еще мужчина, определить степень родства которого первым двум достоверно не удалось: то ли младший брат деда, то ли его сын. И умер он не от старости, как первые, а по какой-то иной причине, вне стен дома и вне Тораджи. Просто произошло это все в разное время: дедушка помер три года назад, бабушка – два, а третий Lande – год. Так устроен мир тораджей – похороны случаются не тогда, когда умер человек, а тогда, когда его родственники готовы проводить его в последний путь. В традиции тораджей это самое значимое событие, собственно, ради него они живут, готовясь всю свою здешнюю жизнь. Проводы в мир иной должны быть не просто достойны, но и соответствовать статусу, который человек занимал при этой жизни. Поэтому готовиться надо тщательно. И год, и два, и три. А объединить церемонию для нескольких родственников – реальный способ сэкономить без ущерба репутации.

Пройдя под приветственной аркой, попадаем на центральную площадь деревни Nonongar. Когда мы попадем в другую деревню, я расскажу о том, как она устроена. Тут же хорошо видно, какие сооружения «стационарные», а какие построены непосредственно для церемонии.

Деревня Nonongar

Стационарные дома тораджей выстроены в линейку, двумя рядами (разными), и их крыши смотрят с севера на юг. Дома поперек сооружены специально для церемонии, образуя, таким образом, «каре». На фото выше обратите внимание на буквы и цифры на домах. Дома что поближе, обозначены буквами. Это знать, почетные гости. В домах и навесах, обозначенных цифрами – люд попроще. Но обозначение обязательно, ибо ведется строгий учет подар-

ков; если вам в этот раз некий род или деревня подарили быка, то, случись такая церемония у них, хрюшкой вы уже не отделаетесь.

Одно из временных сооружений – «мавзолей» – место, где установлены саркофаги «виновников» торжества. Это тоже дом в традиционном стиле, гробы расположены на втором этаже, и туда можно подняться по лесенке, попрощаться тем, кто не сделал это вчера, в первый, прощальный день церемонии.

Мавзолей

Но для прощания вовсе необязательно подниматься наверх; у навеса, предназначенного для родственников, стоят погребальные куклы умерших (tau tau).

Эти куклы – удел высшей (золотой) касты, причем не каждого ее члена; чем выше статус умершего, тем ближе сходство куклы с оригиналом. Считается, что его душа, не ушедшая еще в предполагаемое ей пристанище на небесах, может отдыхать в таком вот деревянном теле, поэтому упаси вас Господь покупать такие изображения в сувенирных лавках. Ноги и руки могут быть сделаны съемные – для удобства переодевания. Кукол здесь две, обе мужские. Бабушка по своему статусу оказалась недостойна посмертного изображения. Потом, когда саркофаги обретут своё постоянное место, куклы расположатся рядом с ними, или у входа в усыпальницу, или на балконе скалы или камня, если тело обретет покой там. Но пока tau tau здесь, с ними можно общаться, а детишкам – разговаривать и даже играть.

Общение продолжается.

Детишкам тут раздолье, они носятся по деревне, кокетничают, заигрывают с гостями, играют с куклами, или просто пинают умерщвленное жертвенное животное.

Распорядитель этого действа – представитель семьи умершего – ведет церемонию из-под навеса неподалеку от места, где находится весь род. Стоящая перед ним кружка наполнена пальмовым вином; в общем, ничего так бражка. В его задачу входит приглашать к выступлению очередной род или клан, а в процессе этого выступления рассказывать в микрофон всем собравшимся, каким был умерший, перечисляя все события, что с ним происходили, начиная с 12 лет. Периодически он отвлекается от биографии и (судя по интонации) подбадривает выступающих на площади гостей к тем или иным действиям, как то поощрение выводящих быка людей.

Собственно, выступление каждого конкретного клана или деревни начинается с демонстрации подарков – хрюшек, если они не очень богаты, или быка.

Кульминацией выступления является ритуальное убийство животного: поросенка – ударом острой пики в сердце, быка – перерезанием горла острым орудием типа мачете. В момент нашего появления один род уже заканчивал выступление, бык уже был зарезан и разделан; само же выступление продолжалось, и заключалось оно в том, что мужчины, встав в круг, исполняли ритуальный танец, женщины же, построившись в «колонну по двое», разносили и раздавали родственникам кто что: первые – табак мужчинам, следующие – рис и подобие каких-то лепешек, замыкали процессию дамы с подносиками и дамы с чайниками – для кофе.

А вот следующее выступление мы просмотрели полностью, запивая увиденное пальмовым вином под шепот Давида, объяснявшего происходящее. Суета вокруг быка привела к его привязыванию в центре площади.

Центральная площадь

На этой картинке, кстати, хорошо видно расположение церемониальной деревни: центральная площадь содержит покрытое пальмовыми листьями место для жертвоприношения, котлы для приготовления мяса и чистое пространство для выступления. Дом-лодочка по центру – «мавзолей», дом-навес справа – место присутствия ближайших родственников (у входа справа и слева – tau tau). Самый левый на картинке дом – настоящий tongkonan – реальный дом тораджи, нижняя часть которого приспособлена под трибуну для ведения церемонии. Пока мы рассматривали картинку, парень в красной футболке (его чуть видно за мужчиной в желтой жилетке слева) перехватил у привязывавших быка ребят веревку и неуловимым движением мачете перевел быка в иное состояние. Видео, содержащее всю эту сцену, от момента удара и до момента успокоения животного, длится у меня ровно 34 секунды, причем животное осознало, что с ним не все в порядке, на 22-й. Пока не анализируем, просто запомним.

Тем временем, на площади начинается некое движение – родственники готовятся принимать подарки и соболезнования от клана, преподнесшего им только что быка. Дети и молодые девушки – внучки покойных – одеты в самые праздничные одежды, такие тораджи одевают лишь на свадьбу и похороны.

Внучки покойных (по краям).

Вообще, давайте отойдем слегка от увиденного, выпьем по кружке сурини пальмового вина и посмотрим на лица молодых и юных тораджей.

Юная тораджа

Воин

За спиной юного воина-тораджи более взрослые соплеменники уже встали в круг для исполнения траурного танца.

Танец начинается под звуки ударов колотушек, оказавшихся, при ближайшем рассмотрении, полыми бамбуковыми дубинками, ударяющими в корыто с рисом; удары внутрь вызывали глухой звук, а удары по внешней части корыта – звонкий. Под эти удары сначала прошла группа, приведшая еще одного быка, затем целая процессия пронесла на своих плечах доброе стадо хрюшек, которые были сложены тут же, в центре площади, а носильщиков сменили

костюмированные танцоры. В этот момент я взглянул в сторону пять минут назад преставившегося быка – тот был уже освежеван.

От стола с микрофонами тем временем отделился старец с изогнутым посохом, который обвивала бутафорская змея, неспешно обошел площадь по кругу, через которую, вслед за танцорами, начали стекаться в его сторону представители его рода, сначала одетые в забавные шляпы, потом в одинаковую траурную одежду, затем в одежду обычную; стали выстраиваться парами, пропуская вперед женщин и мужчин с подносами и приборами для курения. И двинулись, ведомые старейшим, в сторону родственников.

Траурная процессия

А мужчины в центре все продолжали свой монотонный ритуальный танец...

Церемониальный траурный танец

Стоп. А что это там за белая леди с камерой, внутри круга? И где моя жена? Выпив еще немного пальмовой бражки, я взглянул на танцующих ее глазами

Внутри круга

- Как ты туда попала? – Спросил я, когда она показалась по эту сторону круга.
 - Подошла с фотиком к кругу. А дирижер произнес: «Please, ma'am», и круг расступился.
 - А потом?
 - А потом он произнес «Thank you, ma'am», и легонько толкнул в сторону выхода...
- Такая вот тактичность.
- Ну что, готовы уходить? – спросил Давид.
 - Да, пожалуй, хватит...

Пока мы идем по деревне и перевариваем то, что увидели, я снимаю детские рожицы, обладатели которых здесь так любят фотографироваться. В отличие от остальной Азии, здесь любят сниматься дети и женщины, а мужчины напускают на себя строгость, и не разрешают. Ровно до момента, когда им не предъявляется козырный туз в виде белокурой девчушки, вставшей рядом.

Пока мы тут искали конец круга, нашего быка разделали окончательно, и получившие свой подарок родственники и гости отваливали, неся кусок на бамбуковой палке. Одна нога, по традиции, досталась клану подаривших. Дети же носились, то периодически останавливаясь и с интересом наблюдая за взрослыми у разделяемой туши, то подбегали и пинали ее, то, завидев больших белых обезьян, подбегали к нам, корчили рожицы и просили сфотографировать.

Дети

Так мы и шли к выходу, отгоняя пока от себя мысли об увиденном и просто снимая людей.

Ну вот, теперь надо отойти от церемонии, забраться туда, где нет людей, но есть наглядные пособия, и попробовать осознать, при каком таком действии мы присутствовали.

Путь наш лежит в деревню Ke'te kesu; там есть и дома, и кладбища. Узкие дороги с непростыми разъездами, особенно, учитывая индонезийский характер, требующий выйти из машины, чтобы прицелиться, абсолютно разбитые, ведут нас мимо рисовых полей, обрабатываемых техникой, в Ke'te kesu (на нашей карте обведено, прямо под Ranterao).

Техника на рисовых полях

С нашим приездом начинается ливень, во время которого мы успеваем выпить по чашечке прекрасного кофе. Кофе в Индонезии действительно превосходен, и заваривают они его «по-нашему», заливая мелко помолотый порошок крутым кипятком прямо в чашку.

Традиционная деревня тораджи, когда в ней нет церемоний, выглядит так.

Традиционная деревня Тораджи

Это тоже совершенно реальная деревня, дома в которых используются по прямому назначению – как жилище – кроме одного, который музей. Жилище тораджи, вообще говоря, это два дома. На фото справа от улицы – собственно, жилой дом, он стоит на колоннах пальмового дерева, нижняя часть – навес; жилое пространство – второй этаж, он поделен на три примерно равные части. Поднявшись по лестнице вверх, попадаете в среднюю. Это общее пространство, тут, на той же стороне, что и вход, располагается кухня-очаг и рядом с очагом – туалет типа сортир, системы прямого падения, не отгороженный от очага ничем. Низенький проем-лаз ведет из средней комнаты в южную; это комната родителей. Передняя, северная – детская. Состав семьи тораджей зависит от достатка, в богатых семьях может быть 6—7 детей, в бедных – 3—4. От достатка зависит и стоимость дома, и она может варьироваться от единиц до многих десятков, а то и сотен тысяч долларов. Но разница будет в материалах (самые дорогие дома из тика, который на Сулавеси не растет, и его везут с Борнео) и в степени вычурности резных украшений. Функционал и планировка же от цены не зависят. Прямо напротив жилого дома, tongkonan, через улицу, находится рисовый домик той же семьи, написание его названия я не знаю, произносится типа «алан». Это точная копия большого дома, но используется, как хранилище риса.

Тораджи считают себя потомки мореходов, пустившихся в путь с далекого Севера (предположительно, из Китая) на Юг, в поисках находящегося там, по их мнению,рая, и приставших к верхушкам вулканов, составлявших тогда залитый большим количеством воды Сулавеси. Тораджи-мореходы обосновались у берегов Сулавеси, но продолжали жить в своих лодках. Потом, когда вода спала, они перебрались, в поисках комфорта, на деревья, но и это не было идеалом. И лишь потом они поднялись вверх, на плато, и стали жить там, начав защищать себя от тропических ливней крышами. А, поскольку ничего, кроме лодок, строить они не умели – вот вам и объяснение формы этих крыш. И уж коли пришли они с Севера, а рай – на Юге, то и крыши домов-лодок ориентированы по линии Север – Юг; оттого и родительская комната – южная. Вообще говоря, памятуя о «китайском происхождении» тораджи, продлим философию сторон света: Юг – рай, = смерть, нирвана. Противоположность смерти – жизнь = Север. Солнце встает на Востоке – значит, там активность; на Западе же живут темные силы. Ну и невопад: жилой дом – женщина, рисовый – мужчина, поскольку рисовый домик хранит семена, способные дать жизнь лишь оказавшись внутри большого жилого дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.